

Научная статья
УДК 343.985.1
EDN BXVVKI
DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.22-32

Криминалистическая категория «противодействие расследованию» и особенности ее проявления применительно к преступлениям, совершаемым представителями элиты

Д.К. Григорян

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru

Аннотация. Автор обращается к одной из дискуссионных проблем российской криминалистики, связанной с формированием содержания криминалистической научной категории «противодействие расследованию». Рассматривая ряд неоднозначных аспектов учения о противодействии расследованию преступлений – с позиции соответствия действующим нормам УПК РФ, а также с учетом реалий борьбы с элитарной преступностью, автор аргументированно предлагает собственное видение (относительно этапов уголовного судопроизводства, сущности, содержания, направленности указанной деятельности). На основе проведенного эмпирического анализа выделены типичные для рассматриваемой разновидности криминальной активности варианты противодействия уголовному судопроизводству (срывы следственных и иных процессуальных действий; повреждение или уничтожение доказательств; воздействие на свидетелей или потерпевших; воздействие на лиц, обладающих специальными знаниями; воздействие на следователя с целью сговора; угрозы физической расправы, шантаж в отношении должностных лиц уголовного судопроизводства; дискредитация доказательств, результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств, а также дискредитация личности следователя), указаны мероприятия, позволяющие минимизировать данные деструктивные проявления.

Ключевые слова: элита, элитарная преступность, элитарные преступления, противодействие расследованию, подозреваемый, обвиняемый, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Григорян Д.К. Криминалистическая категория «противодействие расследованию» и особенности ее проявления применительно к преступлениям, совершаемым представителями элиты / Д.К. Григорян. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.22-32. — EDN BXVVKI // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 1. — С. 22–32.

Original article

The Criminalistic Category of “Counteraction to Investigation” and Its Specific Features in Relation to Crimes Committed by Members of the Elite

D.K. Grigorian

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, the Russian Federation, davo-davo23@mail.ru

Abstract. The article focuses on one of the most debatable issues in Russian criminalistics related to shaping the contents of the criminalistic scientific category of “counteraction to investigation”. The author examines a number of complex aspects of the theory of counteracting crime investigation from the standpoint of its correspondence to the current norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the actual situation of fighting elite crimes, and presents arguments in support of his position (regarding the stages of criminal proceedings, the essence, contents, and direction of such work). The conducted empirical analysis allowed the author to point out the scenarios of counteracting criminal proceedings that are common for this type of criminal activities (disrupting investigative and other procedural actions; damaging or destroying evidence; influencing the witnesses or the victims; influencing persons with special knowledge; collusion with the investigator; threats of physical harm, blackmailing officials involved in criminal proceedings; discrediting evidence, the results of operative search activities and evidence, as well the personality of the investigator). The author enumerates measures aimed at the minimization of these destructive phenomena.

Keywords: elite, elite crime, elite offences, counteraction to investigation, suspect, accused, criminal proceedings.

For citation: Grigorian D.K. The Criminalistic Category of “Counteraction to Investigation” and Its Specific Features in Relation to Crimes Committed by Members of the Elite. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 1, pp. 22–32. (In Russian). EDN: BXVVKI. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.22-32.

Проведенный нами криминалистический анализ преступлений, совершенных представителями элиты, позволил сделать вывод не только об отчетливой выраженности противодействия расследованию как специфического деструктивного явления, но и о наличии в его содержании ряда особенностей, predeterminedных механизмом преступных посягательств и криминалистически значимыми чертами их субъектов. Предваряя рассмотрение указанного аспекта глобальной проблемы борьбы с элитарной преступностью, кратко остановимся на вопросах противодействия расследованию как одного из концептуальных направлений российской криминалистики.

Появление в российской криминалистической науке первых монографических трудов, освещающих проблемы противодействия расследованию, синхронизировано с исследованием организованной преступности, что явилось одним из последствий принятого

курса на демократизацию и гласность, провозглашенных Перестройкой. До этого не было принято публично заявлять о существовании в нашем обществе организованной преступности и коррупции, тем более в элитарной среде. Имевшие место случаи громких судебных процессов над известными государственными деятелями, представителями науки и искусства, руководителями крупных предприятий, иными публичными личностями, считались исключительными явлениями на общем фоне благополучного развития нашей страны.

Противодействие расследованию преступлений в криминалистической литературе [1–3; 4, с. 137–149; 5, с. 137–145] определяется как умышленная деятельность заинтересованных лиц, специально направленная на воспрепятствование законной деятельности субъектов, уполномоченных на осуществление раскрытия, расследования, рассмотрения уголовного дела.

Одним из основателей учения о противодействии расследованию преступлений — проф. В.Н. Карагодиным, под противодействием предварительному расследованию признаются умышленные действия, направленные на воспрепятствование установлению объективной истины по уголовному делу, достижению других целей предварительного расследования [6, с. 35]. Близкое по смыслу определение, отражающее направленность противодействия расследованию преступлений на воспрепятствование решению задач расследования, в итоге — на установление истины по делу, приводится Р.С. Белкиным [7, с. 32]. Несколько в иной плоскости данное явление рассматривается проф. А.Ф. Волынским — как «воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге — воспрепятствование правосудию» [8, с. 47]. Здесь чувствуется не только более универсальный характер данной категории применительно к различным стадиям, этапам уголовного судопроизводства. Ибо помимо собственно стадии предварительного расследования, сия деятельность может проявляться и в стадии возбуждения уголовного дела (причем быть не менее активной, стремясь не допустить принятия решения о возбуждении дела), и на этапе судебного разбирательства [9, с. 385–402]. Как видно, данное определение представлено с учетом действующего УПК РФ, отказавшегося, к сожалению, от воплощения концепции об объективной истине как об одном из базовых принципов судопроизводства.

В криминалистической научной литературе наблюдается отсутствие еди-

нообразия в обозначении анализируемой криминалистической категории: противодействие расследованию преступлений (предварительному расследованию), противодействие предварительному расследованию и судебному рассмотрению (противодействие предварительному и судебному следствию), противодействие уголовному преследованию и др. [10, с. 21–35]. Различия в наименованиях терминов, обозначающих одну и ту же сущность — воспрепятствование законной деятельности уполномоченных субъектов правоохранительных органов в интересах лица, совершившего преступление, обусловлены не столько индивидуальными предпочтениями авторов, их личной научной позицией, сколько вкладываемым в него содержанием.

Критика сторонников идеи о противодействии уголовному преследованию (а не расследованию преступлений) связывается, прежде всего, с объективным осуществлением противоборствующих действий заинтересованными лицами на этапах, более ранних по отношению к иницированию уголовного преследования, что не охватывается термином «уголовное преследование». Понятие уголовного преследования дано в п. 55 ст. 5 УПК РФ, где оно определяется как реализуемая стороной обвинения уголовно-процессуальная деятельность, нацеленная на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Исходя из определения данного понятия, на момент начала реализации стороной обвинения изобличительной деятельности должна присутствовать процессуальная фигура подозреваемого и/или обвиняемого.

Самый ранний возможный момент появления в деле подозреваемого обусловлен фактом возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица,

которое признается подозреваемым одновременно с возбуждением в отношении него дела. Другие варианты появления в деле подозреваемого, в соответствии со ст. 46 УПК РФ связываются с:

– задержанием в соответствии со ст. 91,92 УПК РФ;

– применением меры пресечения до предъявления обвинения;

– уведомлением о подозрении в совершении преступления (для предварительного расследования в форме дознания).

Согласно ст. 47 УПК РФ, под обвиняемым понимается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или обвинительный акт, а равно составлено обвинительное постановление. Очевидно, что подготовка процессуальных документов, отражающих принятие решение о привлечении в качестве обвиняемого, требует наличия достаточной совокупности доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления.

Если уголовное дело возбуждалось по факту преступления, в отношении неустановленных лиц, и обвинение в отношении конкретного лица было сформулировано, минуя стадию его подозрения: лицо не задерживалось в порядке ст. 91–92 УПК РФ, в отношении него не избиралась мера пресечения, то в уголовном деле может не быть подозреваемого, а по мере накопления достаточной совокупности доказательств может сразу появиться обвиняемый.

Однако это не значит, что фактически в момент, предшествующий появлению в деле процессуальной фигуры подозреваемого или обвиняемого, в деятельности субъекта расследования наступает затишье, а лицо (тем более относящееся к элитарным кругам), в от-

ношении которого имеются материалы о его возможной причастности к преступлению, смиренно дожидается своей участи, полагаясь на судьбу.

По подавляющему числу преступлений, имеющих экономическую подоплеку, актуально проведение доследственных проверок, предшествующих принятию решения в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ, и нередко имеющих продолжительные сроки, обусловленные необходимостью проведения ревизий, различных исследований, иных мероприятий проверочного характера. При этом лицо, по факту противоправных действий которых проводятся проверочные действия, будучи представителем отечественной элиты, не только зачастую хорошо понимает суть происходящего, но и пытается всеми доступными способами (входящими в правовое поле или находящимися за его пределами) обеспечить благоприятный для себя исход, а именно — добиться принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Однако, термин «противодействие расследованию преступлений (предварительному расследованию)» уязвим фактически по тому же самому доводу. Предварительное расследование официально тоже начинается после возбуждения уголовного дела несмотря на то, что в период доследственной проверки сообщения о преступлении, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ допустимо проводить не только проверочные мероприятия, но и отдельные следственные действия, прямо указанные в данной норме. Поэтому, несмотря на сложившиеся в криминалистике устойчивые термины «противодействие расследованию преступлений (предварительному расследованию)», «противодействие уголовному преследованию», нам представляется, что в данном контексте,

с учетом положений УПК РФ, правильнее говорить о противодействии уголовному судопроизводству. Тем самым в структуре противодействия уголовному судопроизводству можно выделять специфику противодействия применительно к соответствующим стадиям или этапам: возбуждения уголовного дела, предварительному расследованию, судебному разбирательству.

Итак, следует солидаризоваться с исследователями, признающими как данность существование явления противодействия предусмотренной уголовно-процессуальным законом РФ деятельности уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства, осуществляемой заинтересованными лицами до возбуждения уголовного дела. Более того, одной из желательных целей противодействия уголовному судопроизводству со стороны представителей элитарной преступности является именно предотвращение возбуждения уголовного дела. Даже если уголовное дело возбуждено по факту преступления, а не в отношении конкретного лица, это деяние объективно совершено конкретным лицом. Пусть досконально его личность не установлена на момент принятия решения о возбуждении дела, однако посредством осуществления предварительного расследования этот вопрос предстоит разрешить.

В то же время, мы считаем преждевременным говорить о существовании явления противодействия расследованию преступлений в период, предшествующий обнаружению признаков преступлений и возникновению повода для возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 140–143 УПК РФ: будь это заявления о преступлениях, явках с повинной, либо сообщения, полученные из иных источников. Поскольку при отсутствии в распоряжении право-

охранительных органов первичной информации о наличии в определенном событии признаков преступления, по общему правилу, не осуществляется деятельность, специально направленная на выявление, раскрытие, расследование соответствующих преступлений: для нее отсутствуют основания. Мы не случайно оговорились в отношении «по общему правилу», имея в виду, в качестве исключения факты многоэпизодной противоправной деятельности.

На наш взгляд, деятельность субъектов преступлений и других заинтересованных лиц на этапе, предшествующем поступлению в правоохранительные органы хотя бы первичной информации о признаках преступления, правильнее относить к криминалистической категории «сокрытие преступления». Действия по сокрытию преступления, как принято считать в криминалистической науке, в особенности, применительно к деяниям, имеющим сложную и изощренную природу, совершаемым в групповых и/или организованных формах, а также имеющих серийный характер, могут осуществляться не только в посткриминальный период, но и предшествовать инициации преступной деятельности. Иными словами, хронологически вплетаясь в мероприятия по приготовлению к преступлению, но будучи направленными на обеспечение неуязвимости от правоохранительных органов, а не на реализацию основного преступного замысла.

Исследуя явление противодействия расследованию, отечественные юристы неодинаково оценивают содержательную сторону деятельности субъектов противодействия. С точки зрения соответствия закону или конфликта с ним, одни авторы считают противодействие расследованию противоправной деятельностью. А.М. Кустов определяет

противодействие расследованию как «систему противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленных на дезорганизацию работы по раскрытию преступления, воспрепятствование достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия различными лицами, заинтересованными в уклонении от ответственности виновного» [11, с. 54–55]. Однако большинство ученых считают, что приемы по противодействию расследованию могут быть как противозаконными, так и соответствовать законодательству.

Представляется, что, говоря о противодействии уголовному преследованию, следует различать действия, осуществляемые стороной защиты, направленные хотя и на избегание уголовной ответственности либо на ее минимальный характер, но проводимые исключительно в правовом поле. К таковым относятся, например, отказ подозреваемого или обвиняемого от дачи показаний, дача этими лицами показаний или пояснений, свидетельствующих в пользу допрашиваемого (но не обязательно правдивых), ходатайства о проведении следственных или иных процессуальных действий, позволяющих получить информацию в пользу этих лиц и участие в этих следственных действиях, либо, напротив, отказ от участия в процессуальных действиях, для проведения которых требуется согласие этого лица.

Указанные и иные аналогичные действия стороны защиты, хотя и затрудняют процесс расследования, не могут быть безоговорочно признаны противоправными, поскольку проявляют собой конституционное право каждой личности на защиту от уголовного преследования. С точки зрения криминалистики

они действительно могут осложнять организацию работы следователей, объективно влиять на сроки расследования. В то же время, осложнение работы следователей в виде требований о производстве различных процессуальных действий, ранее не предусмотренных планом работы следователя по уголовному делу (дополнительных допросов, допросов ранее не допрошенных лиц, следственных экспериментов, дополнительных или повторных экспертиз и пр.), далеко не всегда можно отождествлять с созданием искусственных препятствий и деятельностью вопреки интересам расследования.

С одной стороны, подозреваемый или обвиняемый защищает свои права и законные интересы, которые действительно чаще всего проявляются в стремлении избежать уголовной ответственности либо максимально снизить неблагоприятные последствия привлечения к уголовной ответственности (минимальное наказание либо освобождение от него). С другой стороны, ни расследование преступлений, ни уголовное преследование как публичная изобличительная деятельность следователя, иных уполномоченных участников судопроизводства, не имеют целью обвинение и осуждение «во что бы то ни стало». Любая публичная деятельность априорно соответствует требованиям законности, значит, формулирование и предъявление обвинения, последующее осуждение возможно исключительно при наличии совокупности доказательств, всесторонне изобличающих лицо в совершении преступления.

На практике не являются редкостью случаи большей заинтересованности следователя в направлении дела в суд (что обусловлено спецификой учета раскрываемости преступлений), неже-

ли прекращения дела, тем более — по реабилитирующим основаниям. Поэтому имеет место не всегда тщательное и доскональное установление всего объема обстоятельств, подлежащих доказыванию, особенно если подозреваемый или обвиняемый отказался от активной деятельности по защите своих прав и законных интересов, смиренно принял позицию на согласие с обвинением. Мы не критикуем такую позицию подозреваемого, обвиняемого, если это его осознанный и оптимальный для конкретной ситуации выбор. Мы говорим о случаях злоупотребления служебным положением, когда под видом склонения к согласию с предъявленным обвинением и ходатайству о проведении судебного разбирательства в упрощенном порядке скрывается некачественное предварительное расследование.

Сказанное особенно актуально применительно к преступлениям, совершаемым представителями элиты, поскольку именно здесь чаще, чем обычно, имеют место быть «заказные» уголовные процессы, внешне проявляющиеся как публичная активность уполномоченных органов, реагирующих на противоправную деятельность, а на самом деле выступающие специфическим инструментом перераспределения сфер влияния, свидетельствующие о ротации правящей элиты.

Таким образом мы склонны различать деятельность подозреваемого, обвиняемого, иных лиц по оказанию противодействия расследованию от законной деятельности этих субъектов в рамках защиты от уголовного преследования. Что касается правомерности или противоправности действий, осуществляемых подозреваемыми, обвиняемыми или иными лицами в рамках противодействия расследованию, то отметим, что мы считаем, что сами

по себе действия могут быть как противоправными (в том числе представлять собой самостоятельные составы преступлений, например, провокация взятки, фальсификация доказательств, служебный подлог), так и правомерными формально, например, ходатайства о допросе в качестве свидетелей лиц, от которых ожидаются выгодные стороне защиты, но не достоверные показания.

Различия приемов по противодействию уголовному судопроизводству от правомерной реализации функции защиты от уголовного преследования следует видеть в целях данной деятельности. Если действия субъектов со стороны защиты направлены на представление в уголовный процесс доказательств, свидетельствующих в пользу подзащитного, которые не искажают реальных обстоятельств события преступления, то их не следует относить к противодействию расследованию. Если действия указанных субъектов направлены на создание искусственных доказательств непричастности к преступлению, а то и на срыв следственных действий, то имеет место противодействие расследованию (уголовному судопроизводству).

В то же время, в рамках разрабатываемых комплексов криминалистических рекомендаций по повышению результативности расследования преступлений, целесообразно учитывать все наиболее вероятные действия: как правомерные и соответствующие реализации функции защиты, так и выходящие за пределы защиты и являющиеся созданием препятствий расследованию и установлению всех обстоятельств деяния.

Несмотря на то, что буквально в термине «противодействие» слышится указание на некую деятельность, инициированную в ответ на исходную

активность, противоположную по вектору направленности, констатируем, что применительно к исследуемому явлению противодействие расследованию может проявляться как в виде различных по степени выраженности действий, так и бездействия (отказа от деятельности, где она необходима). К последнему можно отнести, например, неявки лиц по вызовам следователя, уклонение от выполнения распоряжений следователя и др.

Итак, обозначив нашу позицию по различным вопросам формирования криминалистической категории «противодействие расследованию преступлений» («противодействие уголовному судопроизводству»), далее изложим наиболее типичные приемы, характерные для субъектов противодействия уголовному судопроизводству по элитарным преступлениям, которые нам удалось получить в результате эмпирического обобщения:

- срывы следственных и иных процессуальных действий;

- повреждение или уничтожение доказательств: процессуальных документов; вещественных доказательств или иных документов;

- воздействие на свидетелей или потерпевших с целью дачи ими показаний, выгодных подозреваемому или обвиняемому, корректирования показаний, ранее данных этими лицами;

- воздействие на лиц, обладающих специальными знаниями, которым поручено проведение судебных экспертиз или иных исследований;

- воздействие на следователя (иного субъекта раскрытия и расследования преступления) с целью сговора для выработки согласованной линии поведения, направленной на прекращение уголовного преследования, либо на принятие иных процессуальных реше-

ний, выгодных подозреваемому или обвиняемому;

- угрозы физической расправы, шантаж и аналогичные действия, адресованные должностным лицам уголовного судопроизводства;

- дискредитация доказательств, полученных стороной обвинения [12, с. 81–88];

- дискредитация представленных в уголовный процесс результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств, полученных на их основе;

- дискредитация личности следователя, дознавателя, иного профессионального субъекта уголовного судопроизводства [13, с. 638–645].

По существу заключительного пункта представляется целесообразным сказать особо. Указанная разновидность деструктивных приемов проявляется разнопланово: от представления жалоб на конкретные действия следователя, трактуемые как необоснованные, незаконные, нарушающие права и интересы подозреваемого, обвиняемого, указывающие якобы на не достаточную компетентность должностного лица, — до компрометации уполномоченного субъекта расследования как личности вообще.

Компрометация личности следователя, дознавателя, прокурора, судьи проявляется в распространении сведений (соответствующих, частично соответствующих либо не соответствующих действительности), указывающих на:

- низкую моральную ответственность должностного лица или его близкого окружения;

- причастность к противоправной деятельности (коррупционные и иные должностные преступления, незаконное вмешательство в коммерческую деятельность др.);

– сфальсифицированную видимость совершения дискредитируемым лицом коррупционного или иного преступления.

Понимание специфики осуществления противодействия расследованию, применительно к преступлениям, совершенным представителями элиты, обуславливает своевременное принятие мер, направленных на нейтрализацию противодействия расследованию. Так, в отношении фактов неявок защитников для участия в следственных действиях, либо их пренебрежительно-конфликтного поведения и прочих неблагоприятных поступков целесообразна фиксация этих действий и обращения в соответствующую адвокатскую палату. Осуществление видеозаписи всех процессуальных действий послужит сдерживающим и дисциплинирующим фактором, снижающим вероятность таких поступков, как уничтожение или повреждение носителей доказательственной информации, произвольное искажение сведений, полученных

в ходе взаимодействия со следователем, огульное объявление незаконными действий и решений следователя, невыгодных стороне защиты. Еще одним фактором, существенно затрудняющим попытки добиться незаконного освобождения от ответственности представителя элиты, выступает обеспечение гласности уголовного судопроизводства с объективным освещением каждого этапа расследования в сети Интернет, в специальных изданиях, а также в средствах массовой информации.

С учетом вышеизложенного, полагаем, что применительно к российскому уголовно-процессуальному законодательству целесообразно предусмотреть комплекс мер, регулирующих в определенных случаях возможность проведения уголовного процесса в максимально открытом формате, с возможностью трансляции и/или видеозаписи судебных заседаний в системе Интернет, на сайте суда, рассматривающего соответствующее уголовное дело.

Список использованной литературы

1. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению / В.П. Лавров. — Москва : Академия управления МВД России, 2011. — 148 с.
2. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию / Э.У. Бабаева. — Москва : Юрлитинформ, 2006. — 311 с. — EDN QWWMC.
3. Головин А.Ю. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений / А.Ю. Головин, О.П. Грибунов, А.А. Бибиков. — Иркутск : ВСИ МВД России, 2015. — 164 с. — EDN VDJCNB.
4. Головин А.Ю. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований / А.Ю. Головин, С.А. Цурбанов. — DOI 10.24411/2312-3184-2019-10013. — EDN ZATQQH // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 137–149.
5. Варданян А.В. Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии / А.В. Варданян. — DOI 10.24412/2312-3184-2021-1-137-145. — EDN CBDAIP // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1. — С. 137–145.
6. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / В.Н. Карагодин. — Екатеринбург, 1992. — 35 с.
7. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. — Москва : Новый Юрист, 1997. — 398 с. — EDN WGVIZH.

8. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. — Москва : Юнити-Дана, 2012. — 943 с.

9. Меретуков Г.М. Противодействие судебному следствию и меры по его преодолению в различных судебных ситуациях / Г.М. Меретуков, Ш.В. Аутлев. — EDN NDHOWF // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2011. — № 66 (02). — С. 385–402.

10. Головина Е.В. Противодействие предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам: развитие понятия / Е.В. Головина. — EDN YRTUJO // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 21–35.

11. Кустов А.М. Механизм деятельности по противодействию расследованию / А.М. Кустов // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений : науч. тр. — Москва, 1996. — С. 54–55.

12. Варданян А.В. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных представителями административно-управленческой элиты / А.В. Варданян. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).81-88. — EDN OVVUMI // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 1. — С. 81–88.

13. Варданян А.В. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации / А.В. Варданян, И.А. Макаренко. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).638-645. — EDN LXWUHY // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 5. — С. 638–645.

References

1. Lavrov V.P. *Counteraction to Crime Investigation and Measures of Overcoming It*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., 2011. 148 p.

2. Babaeva E.U. *Issues of the Theory and Practice of Overcoming Counteraction to Criminal Prosecution*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 311 p. EDN: QWWMC.

3. Golovin A.Yu., Gribunov O.P., Bibikov A.A. *Criminalistic Methods of Overcoming Counteraction to the Investigation of Transport Crimes*. Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2015. 164 p. EDN: VDJCNB.

4. Golovin A.Yu., Tsurbanov S.A. Opposition to Preliminary Investigations: Some Issues for System Studies. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 1, pp. 137–149. (In Russian). EDN: ZATQQH. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10013.

5. Vardanyan A.V. Counteracting the Preliminary Investigation: Continuing the Scientific Discussion. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2021, no. 1, pp. 137–145. (In Russian). EDN: CBDAIP. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-1-137-145.

6. Karagodin V.N. *Basics of the Criminalistic Theory of Counteracting the Investigation*. Doct. Diss. Yekaterinburg, 1992. 35 p.

7. Averyanova T.V., Belkin R.S. (eds.). *Criminalistic Support of the Work of Criminal Police of the Bodies of Preliminary Investigation*. Moscow, Novyi Yurist Publ., 1997. 398 p. EDN: WGVIZH.

8. Volynskii A.F., Lavrov V.P. (eds.). *Criminalistics*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2012. 943 p.

9. Meretukov G.M., Autlev Sh.V. Counteraction to Investigation in Court and Measures for its Surmounting in Different Court Circumstances. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 2011, no. 66, pp. 385–402. (In Russian). EDN: NDHOWF.

10. Golovina E.V. Countering the Preliminary Investigation and Judicial Proceedings on Criminal Cases: Development of the Concept. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 1, pp. 21–35. (In Russian). EDN: YRTUJO.

11. Kustov A.M. The Mechanism of Counteracting the Investigation. *Topical Problems of Criminalistic Support of Crime Investigation. Collected Papers*. Moscow, 1996, pp. 54–55. (In Russian).

12. Vardanyan A.V. Some Criminal Procedure Aspects of Overcoming Counteraction to the Investigation of Crimes Committed by Administrative and Managerial Elite. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 81–88. (In Russian). EDN: OVWUMI. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(1).81-88.

13. Vardanyan A.V., Makarenko I.A. Discrediting the Subjects of Crime Disclosure and Investigation and the Criminalistic Methods of Neutralizing IT. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 638–645. (In Russian). EDN: LXWUHY. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).638-645.

Информация об авторе

Григорян Давид Кромвелович — кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Author Information

Grigoryan, David C. — Ph.D. in Political Sciences, Ass. Professor, Head, Department of Information Support of Internal Affairs' Bodies, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 20.02.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.02.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 28.03.2025